

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА БОЛЬШОЙ ОРДЫ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА ВО
ВРЕМЕНА «ИСТОМЫ»: АСПЕКТ ВЫЕЗДА В МОСКВУ (70–80-е г. XV в.)

Вопрос о вовлеченности Москвы в мир наследников Улуса Джучи (Золотой Орды) является не таким простым, как может показаться исходя из штудирования как западной, так и российской историографии. Если первая склонна видеть во многих аспектах политической жизни Московского государства «татарские» корни, то отечественные исследователи стараются отмежеваться от концепции «поскреби русского — увидишь татарина». В этой ситуации мысли в ранних работах Ю. Г. Алексеева о том, что читать исследовательскую литературу по любой исторической проблематике вредно, иногда кажутся мне весьма конструктивными. Действительно, «если читать труды других историков, то свои некогда будет писать» [Зимин, с. 3]. Лучше читать первоисточники, как известно нам еще со студенческой скамьи. В данной статье первоисточниками для меня выступали посольские книги, оптимальные для реконструкции политических взаимоотношений позднезолотоордынских государств [Рахимзянов, 2009, с. 11–13; Рахимзянов, 2014, с. 63]. В своих работах рассматриваемой мной проблематики касалась А. Л. Хорошкевич [Хорошкевич, с. 272–313], однако контекст ее исследования был несколько иным.

Целью данной статьи является выявление предпочтений Москвы в деле приглашения представителей Большой Орды и Крымского ханства на свою территорию, а также мотивации сторон в этом вопросе. Дополнительной задачей будет акцентация на месте Большой Орды и Крымского ханства во внешней политике Московского великого княжества. В политическую элиту позднезолотоордынских государств я включаю главу государства — хана, его сыновей — султанов, ближайших родственников хана по мужской линии (братьев, племянников, др.), а также представителей четырехклановой системы карачи-беков — «князей» русских источников и, соответственно, их ближайших родственников. Под Москвой в данной статье часто понимается не город, а политическое образование — Московское великое княжество.

Окончательное разделение в середине XV в. прежде единой империи — Улуса Джучи — на наследные ханства и орды не привело к решению фундаментальной проблемы джучидской династии Сарая: политическая нестабильность, вызванная стремлением некоторых лидеров решать вопросы наследования открытым военным противостоянием, поразила *Pax Mongolica*. Практически во всех наследных Золотой Орде государствах борьба за трон, зачастую дополняемая внешним вмешательством, продолжала оставаться скорее правилом, чем исключением. Как результат этого Степь¹ продолжала изобиловать Джучидами-беглецами, которые перемещались из одного ханства в другое. Некоторые из них являлись изгнанными правителями, которые намеревались мобилизовать силы для ответного удара по своим противникам. Другие, напротив, были неудачливыми претендентами на трон, мечтавшими уже о спокойном убежище в каком-либо соседнем государстве. Третьей группой были рядовые татары, которых что-либо не устраивало в политике их предводителей, ставшие вследствие этого «казаками», которые передвигались по Степи в поисках новых лидеров и лучших перспектив [Kennedy, l. 47]. Все они находили жизнь в открытой Степи трудной и опасной.

Правители Московского великого княжества были хорошо осведомлены о продолжающихся неурядицах в татарском мире. Начиная с 1470-х годов официальные лица, курирующие татарские дела в Москве, зачастую уже сами выходили на степных династов, испытывавших проблемы, склоняя последних на переезды к себе.

¹ Под Степью я понимаю позднезолотоордынские государства (образовавшиеся после распада Золотой Орды (Улуса Джучи)), иногда «политически» включая сюда и Северо-Восточные русские княжества.

Вторая половина XV в. была временем, когда одни наследники Улуса Джучи, объединяясь между собой, боролись против других. Это время коалиции Московского великого княжества (позже Московского государства) с Крымским, а затем и с Казанским ханствами против Большой Орды, поддерживаемой Великим княжеством Литовским (Польско-Литовским государством) [Исхаков, с. 123]. В течение двух последних десятилетий XV в. в эту борьбу была включена и Ногайская Орда.

Борьба с Большой Ордой, в которой с татарской стороны участвовали как Крымское, так и Казанское и Касимовское ханства, а также кочевые Ногаи, была делом принципа, вопросом идеологии: необходимо было лишить традиционную сарайскую линию потомков Джучи, помнившую о едином имперском прошлом с непосредственным участием их предков, стержневой опоры, базы в виде большеордынской кочевой ставки и шедших за ней татарских улусов. Отделившиеся от имперского центра части бывшей Золотой Орды намеревались закрепить этот уже фактически сложившийся новый политический порядок *de jure*. Этим и было вызвано активное участие в ликвидации Большой Орды коалиции почти всех татарских государств. Москва также активно участвовала в этом процессе.

Как только Большая Орда была политически уничтожена в 1502 г., ее место тут же заняло Крымское ханство как государство, правитель которого «взял» ставку большеордынского хана и принял его татарские улусы под свое подданство. Неудивительно, что весь шлейф, тянувшийся на внешнеполитической сцене за Большой Ордой, тут же принял на себя Бахчисарай. В этом шлейфе были и отношения с Москвой. Она сразу же это почувствовала — отношение Крыма к ней резко ухудшилось. Москва как союзник больше не нужна была крымскому правителю, а вновь новые амбиции «Великой Орды великого царя» ставили под вопрос ранее приобретенное равенство в дипломатическом обращении.

Именно поэтому на внешнеполитической сцене представители этих двух государств — Большой Орды и, после ее разгрома, Крымского ханства — выступают как проводники относительно единой линии в отношениях с Москвой. Это будет показано ниже.

Схожим было и отношение Москвы к ним. Государства, имевшие в разное время статус основного наследника Улуса Джучи, выступали для Москвы как бы современной реинкарнацией его самого, с сохранением реликтов отношения к этому политическому «праотцу».

В 1474 г. положение Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея, долгое время занимавшего ханский престол в Крыму, было крайне шатким. Ему угрожали с разных сторон. Постоянным противником был хан Большой Орды Ахмед б. Кучук-Мухаммед и его многочисленные сыновья. Более близкими противниками были братья Менгли-Гирея Айдар б. Хаджи-Гирей и Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей, которые после смерти их отца Хаджи-Гирея вступили с Менгли-Гиреем в продолжительную схватку за трон. Одним из наиболее опасных противников Менгли-Гирея и его конкурентом за власть в Крыму являлся султан Джанибек б. Махмуд б. Кучук-Мухаммед (?)², ставший впоследствии астраханским ханом (правил в Астраханском ханстве в 1514–1521 г.) [Зайцев, 2004а, с. 249]. Осенью 1474 г. он проживал в Большой Орде [Григорьев, с. 61]. Вероятно, он тяготился своим зависимым положением там.

Вскоре после установления связей «братства»³ с московским великим князем Менгли-Гирей попросил последнего об услуге для себя. Мы узнаем об этом из письма Ивана III Менгли-Гирею, датированного мартом 1475 г.: «А говорил ми от тебя Довлетек о том, чтобы яз звал к себе Зенебека царевича твоего для дела»⁴.

² По всей видимости, он приходился хану «Престольного владения» (Большой Орды) Ахмеду племянником, то есть был сыном хана Махмуда и внуком хана Кучук-Мухаммеда соответственно (ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 195) (здесь назван сыном Ахмеда); см. также: [Базилевич, с. 111–113; Некрасов, с. 45–47; Зайцев, 2004а, с. 73].

³ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник РИО). СПб., 1884. Т. XLI. С. 1, 7.

⁴ Там же. С. 9.

На тот момент Джанибек, очевидно, находился на просторах Степи севернее Крымского полуострова, угрожая вторжением в Крым и занятием крымского престола. Его поддерживал хан Большой Орды Ахмед. Прося Ивана «вызвать» Джанибека к себе в Москву, Менгли-Гирей пытался таким образом обезопасить себя, удалив султана из соседнего степного района. При этом он играл на том, что Джанибек якобы найдет в московской земле пристанище, необходимое ему от всех опасностей Степи.

Судя по всему, подход Менгли-Гирея оказался весьма продуманным. Пока письмо шло через степные просторы, Джанибек сам попросился в Москву: «Ино о том прислал ко мне царевич Зенебек оного лета, чтобы яз (Иван III. — Б. Р.) его к себе взял. И яз его к себе не взял тебя ддя, что недруг твой; а нынеча ко мне приказываешь, чтобы у меня был, и яз нынеча, тебя ддя, послал в Орду про него отведети; а как даст Бог весна придет, и яз нароком шлю его искати, и к себе его хочю звати тебя ддя»⁵.

Однако хан Большой Орды Ахмед имел на Джанибека другие планы. В следующем 1476 г. он предпримет мощную военную кампанию против Крыма, свергнет находившихся на тот момент в Крыму ханов Нур-Даулета и Айдара с трона, вынудив их искать убежища в Литве [Fisher, p. 7–13; Inalcik, p. 185–229]. На крымском престоле утвердился Джанибек. Вероятно, он пробыл в Крыму ханом с конца 1476 г. до осени 1477 г. [Григорьев, с. 53, 72; Зайцев, 2004б, с. 86]. Не исключено, что событийная канва была немного иной: Нур-Даулет и Джанибек какое-то время правили одновременно в разных частях ханства [Некрасов, с. 47].

По-видимому, Джанибек чувствовал неустойчивость своего положения в Крыму, так как вскоре (весной или летом 1477 г.) возобновил переговоры с Иваном III о пристанище в Московском княжестве. Ответ на его просьбу прибыл в Крым в виде секретного устного послания, которое московский посол должен был сообщить Джанибеку тайно: «А говорил ми от тебя твой человек Яфар Бердей о том, что по грехом коли придет на тебя истома, и мне бы тебе дати опочив в своей земле. Ино яз и перее того твоего добра сматривал; коли еси был казаком, и ты ко мне такжо приказывал, коли будет конь твой потен, и мне бы тебе в своей земле опочив дати. И яз тебе и тогды опочив в своей земли давал, а и нынеча есми добру твоему рад везде. А каково придет твое дело, а похочешь у меня опочива, и яз тебе опочив в своей земли дам и истому твою подойму»⁶.

Эти заверения великого князя оказались весьма своевременными для Джанибека. Вскоре после этих тайных переговоров Менгли-Гирей, возвратив себе трон в конце 1478 г., вновь вернулся на полуостров [Некрасов, с. 50–51]. Джанибек и Нур-Даулет были изгнаны из Крыма. При этом Джанибек воспользовался предложением великого князя и получил пристанище в Москве⁷. Весной 1480 г. Иван III сообщал в Крым о том, что Джанибек взят им к себе, как о давнишнем деле⁸. По всей видимости, после пребывания на «опочиве» в Московском княжестве Джанибек стал астраханским ханом (согласно версии И. В. Зайцева, правил в Астраханском ханстве в 1514–1521 г. [Зайцев, 2004а, с. 249]). Перемещения из одного позднесолотоордынского государства в другое, даже после длительного пребывания в некоторых из них, не вызывали затруднений у Джанибека, как и у других представителей династии Чингисхана. В этом контексте Москва оставалась плотно интегрированной в систему наследников Улуса Джучи. Великий князь не посмел удерживать Джанибека у себя из-за его высокого положения.

Как мы видим, Москва приглашает и заполучает Джучида к себе на «опочив». Здесь, на мой взгляд, обоснованно заострить внимание на том, кем являлся Джанибек, — на его

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 15, 17.

⁸ Там же. С. 17.

политическом статусе в Степи. «Царевич» (султан) — Джучид, он приходился ближайшим родственником реально правившим на территории Дешт-и-Кипчака ханам; на него «ставил» хан Ахмед, заявлявший последние грозные претензии на политическое господство в позднезолотоордынском пространстве; в финале своей политической карьеры он сам стал ханом сначала в Крыму, впоследствии в Астрахани — двух важнейших наследниках Улуса Джучи (один являлся им по военной силе и по праву завоевания (Крым), другой — по династической традиции (Астрахань)). Политическая карьера Джанибека, как и происхождение, явно дают нам понять, что его статус в Степи был очень высоким. Москва на данном этапе своего сотрудничества с поздней Золотой Ордой старалась заполучить к себе фигуры «политических тяжеловесов». Ее амбиции и претензии были уже в 1470–1480-х годах весьма значительны.

Возвращение Менгли-Гирея «во власть» на полуострове повлекло за собой два интересных последствия. Первое касалось самого Менгли-Гирея. Следуя примеру своего противника Джанибека, Менгли-Гирей попросил великого князя пообещать ему, что в случае его изгнания с полуострова Иван III предоставит бы ему политическое убежище на территории своего государства. Ответ Ивана Менгли-Гирею был аналогичен его ответу Джанибеку: «Писал еси ко мне в ярлыке в своем и словом ми от тебя Сырпак говорил о том: каково по грехом придет твое неверемя, и мне бы твоя истома подняти. Ино яз добру твоему везде рад, чтобы дал Бог ты здоров был на отца своего месте на своем юрте. А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове»⁹.

Несмотря на то что фактически Менгли-Гирей никогда не воспользовался московским политическим приютом, предложение великого князя все время его правления оставалось в силе. После смерти Ивана его сын и преемник Василий III повторил его предложение. Документация, исходящая по этому вопросу от Василия III, намного более детально в отношении условий этого «приюта», нежели процитированное выше письмо; однако, по всей вероятности, это всего лишь повторение условий, заключенных ранее между Иваном III и Менгли-Гиреем. Среди прочего интересен один момент — хан и его окружение вольны в своем праве покидать Московское княжество и прибывать обратно: «добровольно приедешь, добровольно куды хочешь пойти, пойдешь; а нам тебя недержати» [Малиновский, с. 402]. Как известно, таким правом свободного отъезда и приезда обладала и высшая властная прослойка Касимова [Рахимзянов, 2009, с. 73–74]. На данном этапе своего сотрудничества с татарскими государствами Москва попросту не могла удерживать у себя этих персон против их воли.

Второе последствие воцарения Менгли-Гирея в Крыму касалось его родных братьев, изгнанных им, его политических противников — бывших крымских ханов Нур-Даулета б. Хаджи-Гирея и Айдара б. Хаджи-Гирея. После возвращения Менгли-Гирея в Крым они оба бежали в Киев, где получили приют у его врага, правителя Великого княжества Литовского короля Казимира IV¹⁰. Поэтому весной 1479 г. Менгли-Гирей попросил великого князя еще об одном одолжении, похожем на просьбу относительно хана Джанибека несколькими годами ранее. Иван III должен был сделать попытку «достать» бывших ханов из Великого княжества Литовского и «переместить» их в Московское великое княжество. Великий князь информировал хана: «Нынеча еси ко мне ярлык свой прислал да и с своими послы еси приказал и с моим человеком с Иванчею о своей братье о царех о Нурдовлате да о Айдаре, что недруг твой король взял их к себе и держал их в своей земли на Киеве, а на твое лихо; и мне бы твоего для дела оттоле их к себе взяти. И яз их к себе взял твоего для дела, а держу их у себя и истому своей земле и своим людям чиню тебя для»¹¹.

---

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 17–18.

¹¹ Там же.

Осенью, сообщают нам летописи, Айдар и Нур-Даулет вместе с сыном последнего Бир-Даулетом прибыли в Московское княжество¹². Чем соблазнил их Иван III на смену протекции, тексты не сообщают.

Русские источники постоянно обозначают Айдара как «царя». И. В. Зайцев отметил, что «в результате переворота летом 1456 г. к власти на полуострове (в Крыму. — Б. Р.) пришел сын Хаджи-Гирея Айдар (Хайдар), но уже после ноября он бежит в Литву, а на престол возвращается его отец» [Зайцев, 2004б, с. 83]. А. Беннигсен заметил, что, возможно, Айдар кратковременно правил в Крыму вскоре после смерти его отца Хаджи-Гирея в 1466 г., до воцарения там Нур-Даулета. Если это так, то это вполне объясняет ханский титул [Le Khanat de Crimée, p. 321].

Политическая судьба Нур-Даулета в Московии достаточно подробно рассмотрена мной в работе, касающейся истории Касимовского ханства [Рахимзянов, 2009, с. 118–138]. Поэтому здесь я не буду останавливаться на ней, скажу лишь, что Нур-Даулет, так же как и Джанибек, являлся «тяжеловесом» политической жизни позднезолотоордынского Дешт-и-Кипчака, чем активно пользовался великий князь, угрожая его присутствием в Московском княжестве Менгли-Гирею. Вскоре после предоставления Нур-Даулету Касимовского ханства ему была предоставлена еще и Кашира¹³. Предоставление Касимовского ханства в совокупности с Каширой также явно говорит нам о высоком политическом статусе людей, которых предпочитала Москва для приглашения на «опочив».

Не исключено, что в данной ситуации инициатива исходила не от московского великого князя, а от самих «царей» — бывших крымских ханов. Учитывая рассматриваемый период (1470–1480-е годы), когда зависимость от Орды (того, во что она постепенно превращалась — конгломерат ханств) у Руси еще далеко не была преодолена, это, на мой взгляд, более чем вероятно. Еще А. Л. Хорошкевич отмечала: «На заре русско-крымских отношений инициативной стороной в переезде на Русь выступали сами крымцы» [Хорошкевич, с. 275].

Вскоре, весной 1480 г., московские официальные лица посадили Айдара в заточение, с местом дислокации в Вологде¹⁴. О причинах опалы источники молчат. Скорее всего, это были политические контакты бывшего хана, не удовлетворенного своим положением, со своими татарскими (а возможно, и не только татарскими) соседями с вынашиванием планов каких-либо коалиций с целью своего политического «возрождения» в Степи. Мало что известно о последующей судьбе Айдара; возможно, он томился в московском плену до конца своих дней. Последнее прямое упоминание источников о нем относится к 1487 г., в связи с планом короля Казимира IV каким-либо образом вернуть Айдара в свои владения. До Менгли-Гирея дошли слухи об этом, и он был озабочен возможностью претензий Айдара на крымский трон при поддержке его врага — польского короля. Иван III поспешил заверить своего крымского союзника в том, что волноваться нечего: Айдар был заблокирован в московской крепости, и «твоего (Менгли-Гирея. — Б. Р.) для дела» Москва будет удерживать его там¹⁵.

Как видим, политика Москвы по отношению к выезжим Чингисидам была все же весьма гибкой — она принимала и поддерживала высокий статус приезжих гостей только до тех пор, пока их собственные амбиции не выходили из фарватера московской политики. Как только это происходило, ее меры в отношении Джучидов были крайне жесткими. Далее статус уже не спасал потомков Саина.

¹² Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 119.

¹³ Сборник РИО. Т. XLI. С. 151.

¹⁴ Иоасафовская летопись. С. 119–120. Позднее Вологда использовалась как место ссылки для еще одного «ослушника» великого князя — бывшего казанского хана Али б. Ибрагима (Алегам), который с семьей был сослан в этот город после пленения в Казани войсками Ивана III в известном взятии Казани «саблею» в 1487 г. [Вельяминов-Зернов, с. 164–168; Худяков, с. 47–48].

¹⁵ Сборник РИО. Т. XLI. С. 64.

Мотивация Ивана III, естественно, не ограничивалась только помощью крымскому союзнику. Когда Айдар покинул Крым в 1478 г., он оставил там своих жену и сына; Москва пыталась «достати» также и их. В 1483 г., после трех лет пребывания Айдара в заточении, московский посол в Крыму доставил туда письмо от хана жене. В нем он просил ее прибыть к нему в Московское княжество, прибавляя, что она должна взять с собой и сына: «Бог на роду на челе написал тебе мне женою быти, а яз тебе муж был. От тебя ссел, далеч зашел есми. А нынеча последнем веце. В пяти днех кто будет, кто не будет. «С своим ди мужем в одном месте хочю быти», так мола, и ты братье своей гораздо добив челом, сюда приеди навсяко, безпереводно, как ся грамота дойдет; еще меня похочешь, и ты приеди. Молвя, с коневою тамгою грамоту послал есми. А еще одно слово есть: сама приедешь, и ты и Данияла с собой ж взем привези»¹⁶.

Тон письма позволяет предположить, что оно было написано самим Айдаром. Однако не стоит возлагать всю инициативу только на него. Письмо вряд ли могло бы появиться без одобрения и, возможно, санкции Москвы. Если бы жена Айдара последовала совету мужа (чего, судя по всему, она не сделала), это означало бы не только облегчение участи мужа, но и прибытие еще одного Джучида в Московию. Здесь мы, несомненно, можем наблюдать политическую руку Москвы. Необходимо прибавить, что юный Даниял мог рассматриваться как наилучший кандидат для претензий на крымский трон, так как его отец ранее сам занимал его [Kennedy, l. 64].

То, что Иван III имел намерение заполучить Данияла к себе в Москву, становится ясно из дипломатической инструкции послу, выданной несколько позже. В мае 1495 г. московский правитель выслал в Крым двух служилых татар со специальным заданием. Их маршрут пролегал через Киев. При достижении Киева им нужно, согласно наказу, выяснить следующее: «Им пытати вежливо, как бы незнакомисто: где ныне царев сын Ойдаров? И будет на Киеве, а нелзе будет им к нему ити, и им ити к нему тайно, чтобы того не ведал никто. Да молвити им Айдарову сыну: похочешь ехати ко государю к нашему к великому князю, и государь наш князь велики хочет тебя жаловати, да и твоего отца хочет жаловати; и ты бы к нему поехал»¹⁷.

Это сообщение свидетельствует о том, что Айдар еще был жив в 1495 г. Что же касается того, что случилось с ним позже и чем окончились усилия Ивана по «рекрутированию» его сына, источники по этому поводу вновь хранят молчание.

Около 1490 г. Москва проявила инициативу в разыскании и приглашении к себе еще двух обескровленных Джучидов-Гиреев, Уз-Тимура (Издемир) б. Хаджи-Гирея и Девлеша б. Даулет-Яра б. Хаджи-Гирея. Уз-Тимур был младшим братом Менгли-Гирея, в то время как султан Девлеш являлся племянником Менгли-Гирея по другому его брату, Даулет-Яру. Ранее эта пара находилась под опекой Порты. Позже они покинули османов в поисках альянса с Большой Ордой («Вышли они от Турков да на поле были и в Орде были»¹⁸), а именно с сыновьями Ахмеда¹⁹. При таком альянсе они представляли бы существенную угрозу как для Менгли-Гирея, так и для Ивана III. В первую очередь их судьбой был озабочен именно крымский хан — видимо, он опасался их. В дальнейшем он не исключал даже, по всей видимости, и их физического устранения как варианта решения этой проблемы («ты брат мой одно дело добудешь, как бы сех наших недругов не было (курсив мой. — Б. Р.), мысль тому ты добудешь»²⁰, — писал он великому князю в 1491 г.). Интересно отметить, что, согласно посланиям Менгли-Гирея, он опасался Уз-Тимура намного больше Девлеша — он чаще и дольше фигурирует в дипломатической переписке как

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 216.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ Там же. С. 99.

²⁰ Там же. С. 123.

фигура, представляющая потенциальную опасность²¹. Это неудивительно — он, так же как и сам Менгли-Гирей, являлся сыном Хаджи-Гирея, что имело значение при претензиях на трон.

В октябре 1490 г. в Крым прибыл московский посол с секретным посланием хану, касающимся Уз-Тимура и Девлеша. Посланник должен был встретиться с ханом наедине и предложить следующее: «И будет тебе надобе, чтобы те царевичи у твоих недругов у Ахматовых детей не были, и яз твоего для дела пошлю их звати к собе, чтобы поехали ко мне»²².

Ожидая одобрения своих планов ханом, Иван III послал два письма персонально Уз-Тимуру и Девлешу, которые, как планировалось, хан должен был помочь доставить им. Эти два письма содержали приглашение двум султанам прибыть в Московское княжество. Исключая имена, письма идентичны; процитирую одно из них, к султану Девлешу: «Дед твой Ази-Гирей царь с нами был в дружбе, а дяди твои Нурдовлат царь и Менли-Гирей царь с нами в дружбе и в братстве. Нынеча слышели есмя, что в чужом юрте стоишь, а конь твой потен; и мы, поминая к собе деда твоего дружбу и дядь твоих, Нурдовлатову цареву да Менли-Гирееву цареву дружбу и братство, тебе хотим свою дружбу чинити: похочешь у нас опочива, и ты к нам поеди, а мы тебе в своей земле опочив учиним и добро свое, как даст Бог, хотим тебе чинити. А которые твои люди с тобою приедут, и мы тебя деля тех твоих людей хотим жаловати»²³.

Письмо содержит языковые сходства с несколькими пассажами, процитированными выше. Из этого становится ясно, что, по всей видимости, в переписке между Джучидами Степи и московскими официальными лицами московская сторона пользовалась неким шаблоном, специально заготовленным для обсуждения нюансов переселения Джучидов в Московию и размещения их там [Kennedy, l. 66]. Этот формуляр был весьма важен, так как он сообщал потенциальным эмигрантам из степного мира, каких перспектив в отношениях с великим князем они могли бы ждать в случае, если решатся на переезд. Также формуляр с определенной степенью допущения показывал союзникам великого князя намерения последнего касательно потенциальных иммигрантов из Степи, а также и отношения с уже пребывающими в Московском княжестве Джучидами. Хотя, конечно, не стоит всецело полагаться на официальный документ — он далеко не всегда показывает нам истинные мотивы действующих лиц.

Термины, обозначающие природу пребывания Джучидов в вотчине великого князя, а именно обозначающие то, что они *фактически* делали в Московии, были абсолютно нейтральными с политической точки зрения [Kennedy, l. 67]. Джучидов «звали»²⁴ или «брали» («взяти») ²⁵ в Московское государство, Джучиды «ехали»²⁶ к великому князю, приходили помимо своего желания ради «опочива»²⁷, или Джучид «содержался с» великим князем («к собе взял и держал есми его у собя», «к тебе послал») ²⁸. В переводах с татарских грамот приезд царевичей изображается как добровольный акт независимых политических деятелей; характер их пребывания на Руси вообще не определяется [Хорошкевич, с. 278]. Хану, а равно и другим представителям верхов крымского общества обещали: «добровольно приедешь, добровольно куды восхочешь пойти — пойдешь, а нам тебе не держати».

Таким образом, можно сказать, что в последней трети XV в. великий князь предлагал пристанище. Он обещал не быть враждебным, но обеспечивать безопасность и материальную поддержку и, как в случае с Менгли-Гиреем, разрешал хану при желании право отъезда. Мы

²¹ Там же. С. 216, 218.

²² Там же. С. 99.

²³ Там же. С. 100.

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Там же. С. 17–18.

²⁶ Там же. С. 216–217.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ Там же. С. 17–18, 126.

нигде не находим какого-либо обсуждения того, для чего же Джучид прибывает в Москву: для службы великому князю? для управления своим улусом? или ни для того, ни для другого? В последней трети XV в. мы можем констатировать только заверения московской стороны в том, что Джучид получит в Московском великом княжестве прибежище и материальную поддержку [Kennedy, l. 67–68].

Первым, кто изъявил желание воспользоваться приглашением великого князя, был, по всей видимости, султан Девлеш. В течение 1491 г. было заявлено, что он отправился в Московию («Довлеш царевич к тебе пошел») ²⁹. Правда, более поздний документ сообщает, что альтернативное предложение от клана Ширин — главного клана правящей элиты в Крыму — несколько притормозило его решение отъезда ³⁰. Тем временем дядя Девлеша Уз-Тимур решил принять третье предложение — от польского короля Казимира IV — и прибыл в Киев («корм ему дают тут») ³¹.

Вскоре Менгли-Гирей установил контакт с Девлешем и, заверяя последнего в гарантиях московской стороны, склонял его к переезду (письмо от 1491 г.): «Ино мы Девлеша царевича гораздо уверив, брата своего Девлеша к тебе послал, гораздо юрт давши, да добром бы еси держал» ³².

Девлеш действительно покинул Степь, однако, вместо того чтобы прибыть в Московское княжество, он отправился в Киев, где уже находился его дядя Уз-Тимур. В посольстве от хана Менгли-Гирея к Ивану III от ноября 1491 г. послы говорили от имени хана: «Да говорил Кутуш от царя же о Уздемире да о Девлеше о царевичех, что деи король царю недружбу учинил, его дву братьев, Уздемира да Девлеша, к себе взял да у себя установил. И будет деи то мочно князю великому, брату моему, Уздемира да Девлеша достати, и он бы их доставал; а будет деи не мочно, и он бы деи отказал на сей зиме с Кутушом, и царь их хочет сам доставати» ³³.

Великий князь послал хану письмо, где заверял его, что сделает все, что в его силах, чтобы переманить их в Москву ³⁴. Весной 1492 г. Иван III вновь выслал каждому по письму, которые были практически идентичны тем, что он посылал им двумя годами ранее ³⁵. В грамотах султанам Иван III счел возможным опустить пункт о добровольности пребывания на Руси и свободе отъезда. Вероятно, этим отчасти и объясняется, почему царевичи предпочли остаться в Великом княжестве Литовском, нежели переехать в Московское княжество [Хорошкевич, с. 281].

Усилия великого князя пропали даром. В конце 1492 г. московский посол, возвращавшийся из Крыма, принесет следующие вести об Уз-Тимуре и Девлеше: «И те, государь, царевичи, сказывают, поженилися в Литве, а отведены с украины далече вглубь» ³⁶.

Это означало удаление с политического горизонта Степи. Судя по всему, царевичи давно и достаточно плотно оказались интегрированными в русскую культуру в Литве — в 1491 г. Менгли-Гирей констатировал (видимо, не без сожаления) великому князю, что они «и пьют и едят с русаки» ³⁷. Их предполагаемые женитьбы — особенно если они были женаты не на мусульманках и женитьба предполагала обращение в другую веру — возможно, дистанцировали их от татарского мира еще больше. В таком случае, вероятно, именно подтверждением их удаления с политического небосклона Степи служит загадочная фраза Менгли-Гирея: «А те, государь, царевичи, как тебе, так царю не люди, — отвечал мне про них царь» ³⁸.

---

²⁹ Там же. С. 111.

³⁰ Там же. С. 113.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 126.

³³ Там же. С. 121.

³⁴ Там же. С. 137–138.

³⁵ Там же. С. 145–146.

³⁶ Там же. С. 167.

³⁷ Там же. С. 123.

³⁸ Там же. С. 167.

В 1470–1480-х годах Москва начала сознательно завлекать к себе потомков Чингисхана, переживавших не лучшие времена в Степи. В это время действия Москвы уже были вполне добровольными и осознанными в своей политике привлечения к себе тех персон Степи, положение которых можно описать как «истому» — состояние усталости, утомления, иначе говоря, как «неверемя» — временную неудачу, фиаско. На данном этапе Москва осознала, что из «истомы» своих недавних противников вполне можно извлечь политические бонусы. По всей видимости, в это время курирующие татарские дела официальные лица уже пришли к мысли о возможности добровольного (со стороны Москвы) пожалования этих персон русскими городами, выдаваемыми как средство содержания Чингисидов. Однако в отношениях с представителями Большой Орды и Крымского ханства данная практика не получила широкого распространения.

Москва старалась заполучить к себе лиц, политический статус которых в Степи был очень высок. Это были Джучиды, которые или реально правили в каком-либо позднезолотоордынском юрте (причем в важнейших — Большой Орде и Крымском ханстве), или приходились ближайшими родственниками правителям ханств. Вероятно, высокий политический статус приводил к тому, что практически мало кто воспользовался приглашениями московского великого князя. Спокойное пребывание на «политической пенсии» в Московии, так же как и положение марионетки московского правителя, их явно не устраивало.

Единственным исключением из этой тенденции является старший брат Менгли-Гирея Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей, бывший ханом в Крыму, затем потерявший этот престол и переехавший в Московское княжество, где он получил трон Касимовского ханства. Он единственный в этот период принял приглашение великого князя и согласился на постоянное пребывание под его опекой. Однако, во-первых, он все же получил наиболее престижный татарский юрт Москвы — Касимовское ханство, имевшее особое положение среди других «мест», выделявшихся татарской элите в Московском княжестве (остальные московские юрты выдавались ему, видимо, как своеобразный «довесок» к статусному владению, по выражению А. В. Белякова). Во-вторых, выбор у него был крайне невелик — оставаться в Крыму он не мог по причине опасения за свою жизнь; он мог выбирать между Великим княжеством Литовским, Стамбулом и Москвой. Стамбул отпадал по причине тесной связи между османами и Менгли-Гиреем: Нур-Даулет опасался своей выдачи в Крым. Почему он выбрал не ВКЛ, а Москву, сказать трудно; возможно, он каким-то образом просчитал, что причин выдавать его Менгли-Гирею у Ивана III меньше, чем у короля Казимира IV. Не исключено, что сыграло свою роль и то, что его «испомещали» именно в Касимове — месте, имевшем давние татарские традиции, в том числе и династические.

Мотивы Москвы в вопросе приглашения знатных выходцев из Большой Орды и Крымского ханства были понятны — угрожая имевшимися в ее распоряжении потомками Чингисхана, она собиралась (и реально делала это) воздействовать на политику соседних государств, особенно Крыма (подробнее см.: [Рахимзянов, 2009, с. 124–128]) (влияние на Большую Орду было, видимо, затруднено в силу особой нестабильности политической ситуации в ней). Мотивация Джучидов состояла, по всей видимости, в необходимости временного пристанища для накопления сил.

Таким образом, в отношениях Москвы с восточными соседями — наследниками Улуса Джучи — присутствовали не только военные действия и желание свести счеты с «неверными», о чем так много и подробно говорят русские летописи, а вслед за ними и некоторые историки, но и тонкий расчет, лавирование, разговор на понятном обеим сторонам дипломатическом языке, учет имевшегося на данный конкретный момент баланса сил; иными словами, прагматичное сотрудничество занимало в этих взаимоотношениях не меньшее место.

Литература

- Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.
- Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1987. Вып. 10. С. 28–88.
- Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004. [Зайцев, 2004а]
- Зайцев И. В. Крымское ханство в 50–70-х гг. XV в. // Зайцев И. В. Между Стамбулом и Москвой: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004. С. 82–98. [Зайцев, 2004б]
- Зимин А. А. Юрий Георгиевич Алексеев // Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 3–6.
- Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
- Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 178–419.
- Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа: Последняя четверть XV – первая половина XVI вв. М., 1990.
- Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.
- Рахимзянов Б. Р. Казанские Чингисиды Мухаммед-Амин и Абд ал-Латиф между Крымом и Москвой (1485–1518 гг.) (в поисках слагаемых позднезолотоордынского пространства) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 63–74.
- Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. – начало XVI в. М., 2001.
- Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
- Inalcik H. Yeni Vesikalara Gore Kirim Hanliginin Osmanli Tabiligine Girmesi ve Ahidname Meselesi // Belleten 8. 1944. № 31. P. 185–229.
- Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries. Ph.D. dissertation. Harvard University, 1994.
- Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris, 1978.